

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД
ЗНАМЕНОМ
МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 8—9

АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ 1923

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МАТЕРИАЛИСТ“
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
А. Дуборин.—Маркс и Гегель	5
В. Ватажян.—Г. В. Плеханов II.—Плеханов и группа „Освобождение Труда“	21
И. Дунин.—Очерки философии Д. Дидро	53
Н. Карсе.—Адри Леруа—материалист XVII века	97
Гр. Балмэль.—Источники изучения Демокрита. Статья II.	120
В. Румей.—Ответ одному из талмудистов	145
И. Пужеборозский.—Естествознание и диалектика	161
А. Гамирязев.—По поводу статьи Эдингтона	166
А. Эдингтон.—Внутренность звезд	169
Арс. А—я.—Страницы из пропаганды и деятельности Роберта Оуэна	187
С. Брицков.—А. Бебель	210
А. Невсизин.—Социологическое исследование Макса Вебера о городе	219
А. Мендельсон.—Средства обращения и капитал	252

Т р и б у н а.

А. Удалов.—К теории общественных классов	268
Сообщения и заметки.	273

Библиография.

Н. К.—София.—Проблемы духовной культуры и религиозной философии.—Ник. Бердяев— Смысл истории	276
П. Фридлянд.—Анналы. Изд. Российской Академии Наук	281
Материалист.—Н. Ленин и Г. Плеханов.—Против Богданова. Плеханов—Три письма против Богданова.	285
Д. Д.—Хрестоматия по французскому материализму XVIII века	287
В. Семенов.—Классики естествознания, выд. 4, 5, 7 и 8.	289
В. С.—Новые идеи в физике, выд. 8.	297
П. Фридлянд.—Ф. Энгельс. Сила и экономика в образовании Германской империи	300
Н. Ленцкер.—Р. Люксембург. Коалиционная политика или классовая борьба?	302

же в подлинной действительности. Однако питающие нежность забывают, что противоречия в истории, напр., разрешаются суровой борьбой. Когда все необходимые ступени развития—от простого тождества через различия и противоположности до исключającego противоречия—пройдены, тогда наступает эпоха „разрешения противоречий“.

А. Деборин.

Продолжение следует.

Г. В. Плеханов.

II. Плеханов и группа „Освобождение Труда“.

(К сорокалетию группы „Освобождение Труда“).

1.

Почти одновременно со своим письмом-программой Плехановым была задумана и большая статья „Новое направление в полит. экономии“. По крайней мере, уже весной 1881 года он пишет Лаврову: „Что касается до моей работы, то она еще не кончена. Каким образом это случилось? Такова моя несчастная привычка к каждой статье готовиться, как будто я собираюсь писать диссертацию. Но теперь это несчастное собиранье материалов кончено, и я снова сажусь за ее продолжение“¹⁾. Мысль о разборе новых теорий и возникла как попытка проверить свое новое воззрение на критической работе.

Что показала эта проверка? Она показала, что по меньшей мере в области теории Плеханов уже твердо стоял тогда обеими ногами на надежной почве марксизма.

Самый беглый обзор достаточен для доказательства этого.

„Всякий, кто следит за современной литературой в области экономической науки“, не может не заметить, по мнению Плеханова, как вырастает новое направление, оппозиционное классическому. „Чем же вызывается это критическое отношение к догмам школы, считавшей некогда непогрешимой“²⁾. Ответ на этот вопрос обнаруживает в нем прекрасное знание истории и отнюдь не плохого марксиста-материалиста. Основное сочинение Рикардо, представляющее наивысшее развитие классической политич. экономии, вышло в 1817 г., когда капиталистический способ производства тогда еще только завоевывал себе господствующее положение в сфере западно-европейских экономических отношений; буржуазия спорила еще за власть и преобладание с поземельной аристократией; наконец, промышленные кризисы не сделались еще в то время периодически возвращающимся бедствием

¹⁾ Плеханов—Письма к Лаврову.—См. Л. Дейч, „Г. В. Плеханов“, стр. 86.

²⁾ Плеханов, Сочин., т. I, стр. 169.

цивилизированных наций. Но ведь еще Вико утверждал, что „все науки родились из общественных потребностей и нужд народов“ и что „ход идей соответствует ходу вещей“; если применить этот принцип при изучении экономической науки, а он более чем где-либо применим в общественных науках, то разное отношение к доктринам классической школы в начале XIX в. и в 80-х годах того же века надлежит приписать исключительно изменению экономики: „Общественные потребности“ и нужды западно-европейских народов были совсем иные в начале XIX века, чем в настоящее время, — пишет Плеханов. — Перед современниками Рикардо не стоял еще грозным призраком рабочий вопрос; они не знали еще, до каких противоречий может дойти капиталистический способ производства. Они видели капитализм лишь с его положительной стороны, с точки зрения увеличения национального богатства¹⁾. Они знали о существовании рабочего вопроса, но они им не интересовались. „Истинный смысл и значение капитализма оставались „lettre close“ для экономистов-классиков. Интересы рабочих они продолжали связывать с возрастанием „народного богатства“ и в этом возрастании видели единственное средство уврачевания общественных бедствий“²⁾. Не следует это толковать таким образом, будто „классики“ умышленно закрывали глаза на рабочий вопрос. В то время к такому умышленному закрытию глаз на явления жизни еще не было поводов. Протест рабочих выражался в такой грубой, примитивной форме; он направлялся против таких необходимых и очевидно полезных для производства технических усовершенствований; наконец, сознание особенностей своего положения, как класса, было еще так слабо развито в умах самих рабочих, что ни самой буржуазии, ни ученым ее представителям не могло внушить серьезных опасений констатирование указанного выше противоречия капитализма“³⁾. Но ведь это не могло так долго длиться. Развитие экономической жизни привело к тому, что „на историческую арену стали пробиваться новые общественные группы; незаметные прежде противоречия капитализма обнаруживались все с большею и большею ясностью, а вместе с этим и в науке стали обнаруживаться новые течения, более или менее сильно отклоняющиеся от направления Рикардо-Смитовской школы. Коротче сказать; изменялся „ход вещей“, — изменялся и „ход идей“, и правильное понимание первого должно дать нам ключ к уразумению последнего“⁴⁾. Правильная постановка вопроса — наполовину гарантирует и правильное его решение, а читатель не может отказать

¹⁾ Плеханов, Сочин., том I, стр. 170.

²⁾ То же, стр. 171.

³⁾ То же, стр. 172.

⁴⁾ То же, стр. 173.

Плеханову того, что он, действительно, вопрос поставил чрезвычайно правильно и метко.

Но для правильного понимания хода идей в данном случае надлежало конкретно еще понять, каков был „ход вещей“ в Германии, и почему это новое направление пышно расцвело именно там. Этому вопросу не мало уделяет места Плеханов в своей первой статье, о которой идет речь. Мы не собираемся разбирать по существу его критику, — этим займемся в другом месте, — заметим только, что не только классики, но и последующие экономические школы нашли в этой замечательной статье блестящую оценку. Лист, Бастиа, „историко-реалисты“, Луи Брентано получают суровую отповедь и меткие характеристики. Среди прекрасных критических замечаний по экономике (к которым мы еще вернемся) разбросано не мало замечаний, дающих довольно ясное понятие о том, как он далеко пошел по пути марксизма к этому времени.

„Каждая составная часть общества стремится устроиться по-своему, каждый класс отстаивает или стремится завоевать наиболее выгодные для него условия существования. И нужно сознаться, что — „орган высшего права“ — государство находилось бы в большом затруднении, какой из рекомендуемых ему видов „справедливости“ должно осуществить оно в данное время, если бы только оно действительно существовало как нечто стоящее вне экономической иерархии классов и совершенно независимое от их интересов и стремлений. Но в том-то и дело, что в каждый данный момент исторического развития организация государства определялась развитием сил составных его частей. Если бы взаимное отношение этих сил оставалось неизменным, то и воплотившиеся в формах государственной организации идеи „права“ и „справедливости“ также не изменялись бы в своем содержании. Но история никогда не стоит на одном месте. Медленно и незаметно, но неуклонно и „неукоснительно“ совершаются изменения в фактических отношениях сил различных общественных классов, пока, наконец, эти изменения не достигнут известной степени интенсивности. Но раз необходимая степень этих изменений достигнута, государственная организация в свою очередь подвергается переустройству, ставится воплощением новых идей и принципов. История третьего соловья может служить наглядным доказательством всего вышесказанного“¹⁾, пишет он. Нельзя не пожалеть, что статья эта первоначально появилась в легальном органе — стремление скрыть свои мысли так, чтобы они стали невидимыми для цензора и понятными читателям, делало то, что мы имеем перед собой последовательно-революционный взгляд, выраженный эзоповским языком.

¹⁾ Плеханов, Сочин., том I, стр. 194.

Обусловленность государства „развитием сил составных его частей“, — т. е. борьбой классов и ее развитием, которая, достигнув известной степени интенсивности, приводит к переустройству государственной организации, как это было у третьего сословия — разве эта речь не речь совершенно оформившегося „марксизма“. По крайней мере, по вопросам теории его воззрения к этому времени вполне установились.

За эзоповским языком легальной журналистики слышится речь революционера-марксиста.

Крупных статей после этого в течение 1881 года Г. В. Плеханов не писал, и у нас нет ничего, кроме его переписки с Лавровым и его воспоминаний в разных статьях, писанных впоследствии для характеристики эволюции и роста его воззрений.

Нет у нас также достаточных объективных данных для суждения о его отношении в эту пору его раннего марксизма к вопросам революционного движения в России, но совершенно несомненно, что и тут основной перелом произошел именно в начале 1881 г., во всяком случае письмо его в редакцию „Черн. Пер.“ и изложенная там minimum-программа много говорит об этом начавшемся повороте к марксизму. К числу важнейших доказательств нужно признать и то, что уже к середине 1881 года Плеханов кардинально изменил свое отношение к федерализму и выступал горячим защитником идеи централизма ¹⁾. Это тем более характерный и важный симптом, что федерализм для бакунизма не является отнюдь случайным явлением. В общей системе Бакунина идея федералистического устройства будущей России непосредственно вытекала из его анархических воззрений на государство и утопического экономического построения — учении об общине, как первичной ячейке социализма. Отрицание федерализма если не означает полного и окончательного разрыва с бакунизмом в русских делах, то несомненно указывает на то чрезвычайно знаменательное на наш взгляд явление, что к этой эпохе относится начало переоценки практической программы „русского социализма“.

Однако вернемся к эволюции его теоретических взглядов. Статья его „Нов. напр.“ имела большой успех. Такой строгий ценитель, как Н. К. Михайловский, не только принял статью, но и постарался закрепить за „Отечествен. Записками“ молодого ценного сотрудника. Он заказал ему вторую статью, которую Плеханов и принялся готовить.

„По своей несчастной привычке“ он готовил материал к другой статье и вел жестокую войну с нуждой, которая отнимала у него неизмеримо много времени.

¹⁾ См. указания Л. Г. Дейча: „Облегчении и разрыве с Н. В.“ — „Пролет. Рев.“ № 20.

Когда от редакции „Отечественных Записок“ он получил заказ на новую статью, он был рад вдвойне и литературной удаче, и перспективе некоторого улучшения материального положения. „Вчера я получил из редакции „Отеч. Зап.“ 500 фр. Михайловский пишет мне, что статья моя уже набрана и будет помещена в ноябрьской книжке. Он предлагает мне написать следующую статью не о Гумпловиче, а о Родбертусе. Хотя, — говорит он, — Зибер и писал о нем в „Юридич. Вестнике“, но изложение его очень тяжелое, и притом „Юрид. Вестник“ очень мало распространен. Я с удовольствием беру эту тему, хотя сочинения Родбертуса очень трудно достать“ ¹⁾. Поздней осенью 1881 г. Плеханов приступил к своей статье о Родбертусе, на которой нам следует остановиться несколько подробнее.

2.

Значение этой статьи огромное, и прежде всего она должна занять в литературе международного марксизма почетное место, как первая попытка дать надлежащую оценку Родбертусу.

В одной из последующих глав мы займемся разбором экономических воззрений Плеханова и там же попытаемся сравнить эту оценку с той, которую впоследствии дали Каутский и Энгельс Родбертусу, теперь же нас интересует эволюция и рост марксизма у Плеханова, поэтому и в „Экономической теории К. Родбертуса“ мы будем искать теперь материал для нашей непосредственной цели.

В „Нов. напр.“ он констатировал рост „историко-реалистической“ реакции против классической политической экономии и совершенно резонно искал причину этого явления в тех изменениях, которые произошли в соотношении классовых сил в современном обществе, в появлении на арену нового решающего фактора — рабочего класса и нового экономического явления — рабочего вопроса.

Таков же метод исследования и в „Родбертусе“.

Теперь он обращает внимание своих читателей на то обстоятельство, что те же самые причины вызывают и другое аналогичное явление.

Вражда, замалчивание, которым немецкие экономисты встретили Родбертуса — к семидесятым годам превратились в любовь и почитание. С ним вошли в сношение и старались привлечь его к своему „социально-политическому“ союзу так называемые катедер-социалисты; о нем заговорили, как о „самом оригинальном представителе экономического социализма“, как о писателе, „стоящем выше Лассаля, Маркса и Энгельса“ ²⁾. Откуда такой поворот в настроениях буржуаз-

¹⁾ Г. В. Плеханов — Письма к Лаврову, см. Л. Дейч „Г. В. Плеханов“, стр. 89.

²⁾ Плеханов, Сочин., том I, стр. 217.

ных экономистов? Естественно, ничто беспричинно не совершается, а причиной такого внезапного „просветления“ не могло быть внутреннее достоинство теории Родбертуса, ничто в нем не изменилось за эти годы; изменение претерпело другое явление: изменились классовые отношения.

Борьба классов вступила в новую полосу, кардинально отличную от того, что было всего одно-два десятилетия до того. Различные перипетии этой борьбы отразились на литературной судьбе Родбертуса и обуславливали то или другое отношение к нему его ученых современников из среды „охранителей“¹⁾; до того, как появляется современное рабочее движение, до теоретического завершения учения Маркса буржуазия видела в Родбертусе представителя классической политической экономии и ненавидела его наравне с другими классиками — Марксом, Энгельсом и др. Но автор „Капитала“ не только был последователем великих экономистов с колоссальным знанием, но и был великим революционером; он возглавлял движение современных рабочих и теоретически, и практически. „Буржуазия вспомнила про Родбертуса, человека со смирным нравом и консерватора, лишь тогда, когда экономическое учение Маркса вкупе с его политическими воззрениями стали вдохновлять пролетариат к борьбе, сознательно направлять эту борьбу в русло классовое — против буржуазии, против капитализма, когда буржуазии понадобилось противоядие против Маркса: Родбертус являлся меньшим из двух почти неизбежных в настоящее время на Западе зол. И несомненно, что именно этому стечению обстоятельств обязан он тем вниманием, которое стали оказывать ему теперь катедер-социалисты“²⁾.

Иного критерия теперь у буржуазии не осталось. Все авторы в ее глазах делятся на тех, кто признает за рабочим классом право борьбы за свое освобождение, и тех, кто этого права за ним не признает. „Решающее значение имеют в их глазах практические стремления авторов этих теорий и прежде всего, разумеется, вопрос о политической самостоятельности рабочего класса. Писатель, вступающий против организации рабочих в особую политическую партию, наверно, приобретает симпатии буржуазных экономистов, какими бы теоретическими соображениями он при этом ни руководствовался“³⁾. Я прошу обратить внимание на последние слова. Они написаны в начале 1882 года! В них уже совершенно очевидно и ясно высказана мысль, оформление и защита которой является одной из великих заслуг группы „Освобождение Труда“. Мысль о необходимости и неизбежности организации рабочего класса в особую классовую поли-

1) Плеханов, Сочин., том I, стр. 218.

2) То же, стр. 219.

3) То же, стр. 220.

тическую партию — то, что для западно-европейского рабочего тогда было очевидным и практически осуществляемым, то для России было новым словом, то русскому пролетариату надлежало завоевать. Читателю не трудно видеть, что эта мысль завоевывалась одной из первых. Но вернемся к статье.

Говоря все это, Плеханов ничуть не желает умалять значение Родбертуса-экономиста. Отзавы и противопоставления врагов „не уменьшают заслуг самого Родбертуса и не мешают ему занимать одно из самых видных мест среди экономических писателей XIX века. Ставить его „выше Маркса и Энгельса, конечно, невозможно“... „Факты не позволяют утверждать, что автор „Капитала“ заимствовал основные свои положения у Родбертуса. Они показывают, что Родбертус, Маркс и Энгельс одновременно выступили на литературное поприще и что первый из названных писателей, с одной стороны, Энгельс и Маркс — с другой, уже с начала сороковых годов держались самостоятельных, имевших, правда, много общего, но во многом и расходившихся теорий“¹⁾. Эту мысль Плеханов в дальнейшем доказывает или, было бы вернее сказать, — пытается доказать, ибо окончательно вопрос об отношении Родбертуса к Марксу был решен Энгельсом, который выступил вооруженный фактами и цитатами.

Вопросом о том, как он справился с критикой учения Родбертуса, мы займемся ниже, но что совершенно несомненно, это то, что самая постановка вопроса обнаруживает в авторе прекрасную марксистскую подготовку, а вся статья, скажем забегая вперед, весьма солидные познания Маркса и превосходное умение владеть методом Маркса — что всего важнее. Было бы опрометчиво утверждать, что его марксизм этой эпохи был без изъянов. Наоборот, уже не говоря о том, что он только еще собирался отделаться от бакунизма в русских вопросах — и в западных делах у него было еще много изъянцев и недоделанных частностей. Впереди он имел еще много вопросов решать. В двух первых статьях это заметно значительно.

Чрезвычайно характерное обстоятельство, которое бросается в глаза очень легко — в первой статье особенно, но не без того и во второй — это то, что он еще плохо разбирает разногласия между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем — с другой. Феерические речи и героический образ великого трибуна сильно мешали ему видеть те теоретические разногласия, которые существовали между ним и великими учителями пролетариата, не давали ему возможности видеть то, что отделяло их.

Впрочем, такое преклонение перед Лассалем у него сохранилось значительное время. В 1887 г. появилась его брошюра „Ф. Лассаль“, которая носит на себе все следы такого преклонения. Отметим еще,

1) То же, стр. 220.

что „Родбертус“ значительно смелее „Нов. напр.“. Здесь уже твердое марксистское словоупотребление, последовательное проведение терминологии, ясно выражено желание не скрывать свое приверженство новому учению; в то время как в „Нов. напр.“ Плеханов нарочито избегает частого употребления имен Маркса и Энгельса и лишь в случаях самых неотложных прибегает к этому, — в „Родбертусе“ все свои изыскания и возражения делает „от Маркса“, не боясь ни упреков в „слепой вере“, ни презрительных покачиваний головой со стороны какого либо российского катедер-социалиста.

Над своим „Родбертусом“ Плеханов работал зимой 1881—1882 годов. Выше я уже привел его извещение Лаврова о заказе статьи редакцией „Отеч. Зап.“. Рано зимой он пишет Лаврову: „Недавно получил письмо от Михайловского, в котором он торопит меня со статьей“¹⁾.

К концу этой зимы он пишет: „Целые дни сижу я за своей статьей, встаю со стула совершенно усталый, а время отдыха как-то не умею еще экономизировать, и оно пропадает даром, хотя и мог воспользоваться им для переписки со своими знакомыми“²⁾.

Такую большую спешку можно объяснить, как это и видно из выше приведенного отрывка, исключительно соображениями практическими — нужны были деньги, это было время его наибольшей нужды, что нашло частое, может показаться даже слишком частое, отражение в его переписке с Лавровым.

В том самом письме, писанном ранней весной 1881 г., где он говорил о своей „несчастной привычке“, — он пишет Лаврову, что его очень тревожит вопрос, куда он пошлет свою статью („Нов. напр.“), ибо в редакции петербургского „Слова“ какие-то перевороты и междоусобия; а вследствие этого, как и всегда бывает в таких случаях, экономический кризис. Я же, с своей стороны, находясь в состоянии хронического финансового кризиса (курсив мой—В. В.), очень рассчитывал на немедленное получение денег за статью“³⁾. В октябре того же года, получив известие о том, что статья принята в „Отеч. Зап.“, Лавров пишет ему письмо с поздравлением, на что Плеханов отвечает письмом от 31 X, где, между прочим, говорит: „Благодаря Вашей поддержке, я, быть может, получу возможность работать и развиваться, не имея в перспективе голодной смерти или задолжания без надежды уплаты“⁴⁾ (курсив мой—В. В.). Получив от Михайловского гонорар в 500 фр., он озабочен их распределением между кредиторами: „Получивши 500 фр., я должен уплатить свои долги, которых на мне больше, чем на рус-

1) Г. В. Плеханов—Письма к Лаврову, см. Л. Дейч—„Г. В. Плеханов“ стр. 91.

2) Тоже, стр. 94.

3) Тоже, стр. 86.

4) Тоже, стр. 88.

ском государственном казначействе. Уплачивая же долги, я должен иметь в виду степень потребности в деньгах со стороны моих кредиторов, так как всех зараз мне уплатить невозможно (курсив мой. В. В.). Напишите мне, пожалуйста, Петр Лаврович, нужны ли Вам теперь деньги. Если да, я сейчас же Вам постараюсь выслать, если же нет, — уплату другим. Да будьте, пожалуйста, без церемонии в этом отношении. Ведь я и без того слишком уже много злоупотреблял Вашей добротой. Кроме того, пришлите мне пожалуйста, адрес Геринг¹⁾, В начале следующего 1882 г., сообщая Лаврову о ходе своих литературных работ, Плеханов пишет: „Здесь, в Кларане, я останусь еще на довольно продолжительное время. Опять застрял, опять могу сказать словами псалмопевца: „Окружили мя тельцы мнози и тучны“, т.-е. мои кредиторы (курсив мой. В. В.), опять надежда одна на „Отечеств. Зап.““²⁾. 6/II он вновь пишет Лаврову: „Многоуважаемый Петр Лаврович. Извините, что пишу на carte postal—не имею покупательной силы в данную минуту (курсив мой. В. В.). Ваш совет „не забывать о деле“ пришел как нельзя более кстати, так как, торопясь окончить статью о Родбертусе, я отложил бы еще на некоторое время окончание перевода „Манифеста“. Для меня скорое окончание этой статьи было вопросом хлеба и средством поставить себя в такие отношения к своим близким, чтобы обо мне не спрашивала „между прочим Геринг“³⁾ (курсив мой. В. В.). И так все время, вплоть до конца 80-ых годов. Его письма к близким людям этой эпохи пестрят подобного рода жалобами.

И статья о Родбертусе вклинилась в его работу над переводом „Манифеста“. Приступил он к переводу „Коммунистического Манифеста“ ранней зимой 1881—1882 г.г., но заказ на нее он получил уже к концу 1881 г.; в самом же начале организации Русская Социально-Революционная Библиотека была намечена к переводу эта брошюра и поручена Плеханову; примерно к февралю он пишет Лаврову: „Перевод „Манифеста“ я еще не окончил. Дайте мне немножко управиться со статьей, и я очень скоро представлю Вам рукопись „Манифеста“. Я прошу Вас и все собрание редакции Русская Социально-Революционная Библиотека не выходить окончательно из терпения и повременить с „Манифестом“. Мне не хотелось бы передавать его в другие руки“⁴⁾. 6 февраля он пишет Лаврову, что „ввиду того, что из-за меня остановилось дело, я оставляю на несколько дней Родбертуса и окончу перевод. Членам редакции Русская Социально-

1) Тоже, стр. 90.

2) Тоже, стр. 94.

3) Тоже, стр. 92.

4) Тоже, стр. 94.

Революционная Библиотека прошу Вас сообщить, что я не исполнил обещания относительно доставки перевода через полторы недели потому, что Родбертус отнял времени больше, чем я думал. Впрочем, если собрание желает передать мой неоконченный перевод кому-нибудь другому, — пусть меня известят. Сознано, что с таким несправным товарищем, как я, вести дело неприятно¹⁾. Перевод не передали другому, он окончил его, и в марте был отправлен в набор. Вероятно, к весне относится и предисловие его к своему переводу, знаменитое в том отношении, что оно не ограничивалось формальными моментами и представляло собою подлинный манифест молодого марксизма.

В нем уже даны элементы того, что через полтора года приняло форму гениального памфлета.

Оправдывая издание „Коммун. Манифеста“ именно к этому времени, когда „вопрос о значении и задачах политической деятельности нашей партии становится жгучим практическим вопросом“, он далее продолжает:— „Взаимная зависимость и связь политических и экономических интересов трудящихся указаны в „Манифесте“ с полной ясностью. Авторы его сочувствуют „всякому революционному движению против существующих общественных и политических отношений. Но, отстаивая ближайшие непосредственные цели всякого революционного движения, они в тоже время не упускают из виду его „будущности“. Поэтому „Манифест“ может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвение будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убеждаются в том, что „всякая классовая борьба есть борьба политическая“ и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит, косвенным образом, его поддерживать (курсив мой — В. В.). С другой стороны, „Манифест“ показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрерывного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты“²⁾.

Проблема организации самостоятельной политической партии пролетариата, следовательно, далеко не была плодом измышления

¹⁾ То же, стр. 92.

²⁾ Плеханов, Сочин., том I, стр. 150.

нескольких людей, в один прекрасный момент почувствовавших, что они потерпели неудачу в своих объединительных стремлениях; наоборот, потребность эта назревала параллельно с ростом марксизма.

Я это особенно подчеркиваю, ибо до сих пор историки нашей партии склонны были рассматривать возникновение и рост заграничного русского марксизма независимо и оторвано от потребности и практического движения пролетариата. Мемуаристы изображают (скорее всего склонны изображать) дело так, будто группа „Осв. Труд“ явилась, как результат интриг. Так же понимали дело народолюбцы в ту эпоху, как это прекрасно видно из писем Тихомирова к Лаврову, отрывки из которых Л. Дейч приводит в своей статье¹⁾. Если бы даже видимая сторона дела была и такая — и тогда это не означало бы ничего иного, как то, что всякое новое, выдвинутое жизнью, явление встречает упорное сопротивление уже существующей обстановки и после ряда безуспешных попыток примирить себя с существующим, втиснуть себя в действующие формы, вынуждено порвать с ними и создать себе новую, отвечающую своему новому содержанию, форму: участникам всей этой борьбы и проводникам этих идей все это не может представляться иначе, как „склока“, как „интриги“. Дело историка найти подлинные социологические корни нового явления. В данном случае борьба Плеханова за право пролетариата организоваться в классовую партию — было ответом на непосредственный голос практической борьбы пролетариата.

Уже в начале 1882 года, по мнению Плеханова, было достаточно элементов к тому, чтобы заложить основание такой организации рабочего класса. „Рабочие наших промышленных центров, в свою очередь, начинают мыслить и стремиться к своему освобождению“. Несмотря на все преследования правительства, тайные социалистические организации рабочих не только не разрашаются, но принимают все более широкие размеры. Вместе с этим расширяется социалистическая пропаганда, растет спрос на популярные брошюры, излагающие основные положения социализма. Было бы очень желательно, чтобы имеющаяся возникнуть русская рабочая литература поставила себе задачей популяризацию учений Маркса и Энгельса, минуя окольные пути более или менее искаженного прудонизма“²⁾.

Это пожелание тем более было своевременным, что народническая интеллигенция искала тем временем себе нового авторитета в лице Дюринга, а российские народники проповедывали нечто, имеющее много схожего с „искаженным прудонизмом“.

¹⁾ „О сблж. и разрыве с народолюбцами — „Прол. Рев.“ № 20, за 1923 г.

²⁾ Плеханов, Сочин., том I, стр. 151.

При этом тут же он пускается в некую маленькую хитрость, которую не понимать было трудно, ибо она была очень наивной хитростью: „Правда, у нас до сих пор еще довольно сильно распространено убеждение в том, что задачи русских социалистов существенно отличаются от задач их западно-европейских товарищей. Но, не говоря уже о том, что окончательная цель должна быть одинакова для социалистов всех стран, рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западно-европейского общественного развития. Сочинения же Маркса и Энгельса представляют собой незаменимый источник для изучения общественных отношений Запада“¹⁾. Чтобы была понятна читателю вся наивность этой хитрости, напомню, что разговоры о том, что народникам всего лучше защитить свое народничество на основе учения Маркса, тогда были общими среди эмигрантов, и в частности сам Плеханов делал много попыток убеждать в этом своих противников. Плеханов рассказывает об этом в своей статье „Почему мы разошлись с ред. Вестн. Н. В.“ интересный эпизод, который происходил как раз той же весной 1882 г.; Плеханов рассказывает, что у них: „возникла надежда притти к соглашению с „народовольцами“ на почве новой для нас тогда и все более увлекавшей нас теории научного социализма. Мы не упустили случая обратить внимание „народовольцев“ на ее преимущества, и хотя они, как и все наши российские „люди дела“, были довольно беззаботны на счет теорий, но самая их беззаботность позволяла нам ожидать, что они без большого труда отстанут от дурной привычки, усвоенной редакцией их газеты „Народная Воля“, превозносить Дюринга за счет Маркса.

— Скажите, почему вы хвалите Дюринга и порицаете Маркса? — спросил я весной 1882 г. одного из самых видных членов Исполнительного Комитета. — Неужели вы не видите, что Маркс гораздо основательнее Дюринга? — Мы, собственно говоря, ничего ни имеем против Маркса, возразил мой собеседник, но мы думаем, что наша программа больше подходит к учению Дюринга. А вы как полагаете? — Я ответил, что, по моему мнению, им выгоднее держаться за Маркса: „В этом случае вы сделаете только одну ошибку, именно при переходе от марксова учения в своей программе; а держась за Дюринга, вы будете ошибаться на каждом шагу, потому что он сам целиком состоит из ошибок“²⁾. Куда как утешительный для народовольцев аргумент!

Само собой разумеется, что увещания ни к чему не привели, но за это вряд ли кто станет винить Плеханова.

¹⁾ Плеханов, Сочин., том I, стр. 151.

²⁾ „Искры“ № 54—„Почему и как мы разошлись с редакцией „В. Н. В.“

Став окончательно на точку зрения научного социализма, совершенно естественно, первым импульсом он пытался повлиять на идейное лицо единственной тогда революционной организации, но столь же естественно было и вполне понятно то, что его постигла тут жестокая неудача на этом неблагодарном поприще.

Теоретическое развитие Плеханова на этом не остановилось. Он неустанно думал над актуальными проблемами революции в России: вопрос о государстве и его роли, федерализме и централизме, социализме и его отношении к политической борьбе, об общине и о судьбах капитализма в России, — словом, став на точку зрения научного социализма, Плеханов переоценивал все ценности, как теоретические, так и практические, которыми гордился российский самобытный социализм.

Но прежде несколько слов о том, как шли и развивались организационные и тактические взаимоотношения, если будет позволено так обозначить, между „Черным Переделом“ и „Народной Волей“. Это развитие тоже имело свои перипетии и оказало не малое влияние на то, что от момента возникновения марксизма (1881 г., начало) до времени его организационного оформления (IX 1883 г.) прошло так много времени.

3.

Плеханов зимой 1881 года был, несомненно, марксист.

Но почему тогда же он не приступил к организации группы или ячейки своих единомышленников? Каковы были те причины, которые мешали ему в этом?

Их было много. Но главной причиной была та чрезвычайно напряженная борьба народовольцев с правительством, которая привела к первому марта; героические яркие образы Перовской, Желябова и др. — создали такую всеобщую атмосферу восхищения и симпатии к Нар. Воле, что всякий разговор о сколько-нибудь резкой и открытой борьбе против нее казался безнадежным и, пожалуй, ненужным, вредным. Вредным, потому что Народная Воля была единственно деятельная революционная организация.

Больше того, исключительный героизм террористов, которые, по крайней мере, боролись самоотверженно, сильно действовал и на чернопередельцев — товарищей Плеханова, сближая их с народовольцами.

Сближало их еще и другое обстоятельство. „Мысль о том, что Россия не минет фазу капитализма и что вследствие этого промышленному пролетариату суждено стать главной силой революционного движения, становилась для нас все более вероятной, а потому мы тем яснее начинали сознавать, что нам необ-

ходима политическая свобода. А это сознание в свою очередь располагало нас к сближению с „народовольцами“¹⁾. Располагало товарищей Плеханова — чернопередельцев — и иное соображение. „Мы, женевацы, веля переписку с русскими товарищами, имели более верное и ясное представление о положении революционного дела в России. Мы, напр., знали, что народническое направление все более и более теряет почву под ногами и что немногие упевленные там единомышленники наши не прочь присоединиться в партии „Народная Воля“ как в революционных кругах, так и среди передовой части общества“²⁾. Это обстоятельство, естественно, не могло не оказать сильного влияния на „народников“: основной пункт расхождения — вопрос о полемической борьбе потерял свою остроту, в теоретическом же отношении народники от народовольцев отличались не бог весть как на много. Им ничто не мешало вести переговоры о сдвиге: „Мы, женевацкие сторонники „Черного Передела“, решили начать переговоры с „народовольцами“ о нашем к ним присоединении. После дивившейся некоторое время переписки с ним об этом Як. Стефанович летом 1881 года отправился в Россию для продолжения этих переговоров как с остатками „Черного Передела“, так и с партией „Народн. Воля“. Вскоре он сообщил нам о состоявшемся его, сообща с немногими „чернопередельцами“, присоединении к „народовольцам“, что, понятно, для нас не было неожиданностью. Вслед за тем он стал засыпать нас письмами со всевозможными предложениями об оказании того или иного содействия террористической партии, к которой он примкнул. И мы, конечно, охотно исполняли его поручения“³⁾. Но так стремительно действовали лишь товарищи Плеханова, сам же он относился много спокойнее к этой горячке, охватившей его еще не оформившихся друзей. Он ясно видел много такого, чего друзья его не замечали и замечать не могли. „Мы совсем не были убеждены в том, что они (т. е. народовольцы. В. В.) победят; напротив, мы хорошо видели, что за ними нет ни одной серьезной общественной силы, и потому их поражение временами казалось нам неизбежным. В этом случае я с полной уверенностью мог говорить опять-таки лично о себе. Но что касается меня, то я в письмах к своим друзьям и на собраниях русской колонии в Париже, — где я жил в то время, — не раз высказывал свое убеждение в том, что „покончив“ с Александром II, партия Народной Воли нанесла смертельный удар самой себе, и что на первое марта 1881 г. мы должны смотреть, как на начало конца „народовольства“⁴⁾.

1) „Искра“ № 54 — „Почему и как мы разошлись с редакцией „Вести. Народн. Воли“.“
 2) Г. В. Плеханов — Письма к Лаврову, см. Л. Дейч — Г. В. Плеханов, стр. 106.
 3) То же, стр. 106.
 4) „Искра“ № 54 — „Почему и как мы разошлись с ред. „Вести. Нар. Воли“.“

Такой диагноз Плеханова очень скоро подтвердился почти целиком; когда приехали в Швейцарию Л. Тихомиров с женой, они оценивали положение дел точно так же. Но тогда совершенно непонятно, почему же чернопередельцы продолжали вести с народовольцами разговор о присоединении. „Мы сочли себя нравственно обязанными поддерживать наших бывших товарищей, которых мы привыкли ценить во общем деле, которые были на голову разбиты ненавистным нам врагом и с которыми мы уже с 1881 года не переставали поддерживать дружеские сношения, помогая им всем, чем только мы могли тогда помочь. Кроме того партия „Народной Воли“ пала не в один день, и в довольно продолжительном процессе ее падения бывали моменты подъема, в которые совсем уже стыдно было бы сидеть сложа руки (курсив мой. В. В.), не поддерживая того движения, которое при всех своих недостатках было хорошо уже тем, что являлось единственным в то время энергичным протестом против самодержавия“¹⁾. И постольку и надлежало поддерживать народовольцев, по мнению Плеханова, поскольку они одни являлись борцами против самодержавия. Но не так думали его друзья и товарищи, которые, как мы видели выше, зашли слишком далеко на этом пути „примирения“. „Настроение моих женевацких товарищей не особенно радует меня. Оно может быть сформулировано словами — „соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгнемся, сколько возможно“. История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней“²⁾. Если этот отрывок, что и говорит, то прежде всего то, что мы были правы, утверждая, что Плеханов долгое время был среди своих товарищей чернопередельцев одинок как марксист. На самом деле, что означает фраза „история хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней“, если не то, что эти самые „мои женевацкие товарищи“ еще только вчера отделились от народнического противопоставления социализма политике. Но затем его пугало в этой поспешности принципиальная шаткость членов его группы. Мы сейчас задним числом говорим о том, что Ч. П. развился в марксист и, значит, в его учении был ряд элементов, дальнейшее развитие которых привело его членов к научному социализму. Но разве из приведенного материала не ясно, что один лишь человек оказался в состоянии до конца продумать и развить эти элементы, заложенные в народническом бакунизме? Все другие члены группы имели пред собой уже

1) „Искра“ № 54 — „Почему и как мы разошлись с редакцией „Вести. Народн. Воли“.“
 2) Г. В. Плеханов — Письма к Лаврову, см. Л. Дейч — Г. В. Плеханов, стр. 88.

продуманную цельную систему и в этом смысле являлись как бы учениками его (выражение, которое хотя и плохо, но все-таки передает взаимоотношение членов группы). Им не приходилось каждому самостоятельно продумывать эти противоречия, да к тому же и с помощью своего теоретического вождя еще не освоились и не утвердились в новом понимании явлений. Плеханов таким образом не без основания смотрит с большой тревогой на настроение своих товарищей; в отличие от своих друзей он знает, как на много оттолкнет назад нарождающийся марксизм подобное соединение без оговорок: «соединение во что бы то ни стало» могло привести к тому, что они—его товарищи—окончательно могли уйти в лагерь народничества не только организационно, но и принципиально. Примеров таких он имел перед собой не мало. Потому-то он так осторожен в вопросе о сближении. Л. Г. Дейч свидетельствует: «Г. В. стоял совершенно в стороне от всего этого. (Речь идет о переговорах о слиянии с Н. В.—В. В.) Но, прожив в Париже, он осенью 1881 г. переселился с семьей Швейцарию, в Кларан. Хотя и живя в Париже, он из наших почти знал, в общих чертах, о происшедшем у нас изменении отношения к „Народн. Воле“, но лишь из личных бесед после его приезда в Женеву он убедился, насколько далеко зашла у нас склонность присоединиться к единственно действовавшей тогда в России революционной партии¹⁾».

Не будучи таким ярким сторонником сближения, как его женеvские товарищи, он и не избегал сотрудничества с народо-вольцами. «Как бы там ни было, а наши взаимные отношения все более и более упрощались. Еще в 1881 г. я послал в редакцию „Народной Воли“ рецензию на брошюру Драгоманова „Le tyranicide en Russie“, вышедшую вскоре после смерти Александра II. Редакция не напечатала этой рецензии, не желая, — как писала она мне, — „поднимать полемику“, но благодарила за сочувственное отношение к памяти деятелей 1 марта и приглашала к дальнейшему сотрудничеству²⁾». Конечно, очень плохо, что они не напечатали рецензии Плеханова, это ни в какой мере не могло способствовать упрочению сотрудничества, но зато Исп. Комитет выдвинул его кандидатуру в редакцию „Вестн. Нар. Воли“. „Вскоре после этого у Исполнительного Комитета явилась мысль издавать за границей научно-революционный журнал. Редактирование этого журнала Комитет поручал покойному С. М. Кравчинскому и П. Л. Лаврову, при чем советовал им пригласить меня в качестве третьего редактора. С. М. Кравчинский и П. Л. Лавров тотчас же последовали этому совету, и таким образом я стал соредактором „народовольческого“ издания“³⁾. Об этом не-

¹⁾ То же стр. 106.

²⁾ „Искра“ № 54—„Почему и как мы разошлись с редакц. „Вестн. Народн. Воли“.

³⁾ „Искра“ № 54—„Почему и как мы разошлись с редакц. „Вестн. Народн. Воли“.

сколько подробнее свидетельствует Дейч: „Когда я написал о соглашении Плеханова сотрудничать в народо-вольческих журналах, — то вслед за этим от Исполн. Комитета партии „Народн. Воля“ мною получено было сообщение о состоявшемся у него решении основать в Женеве журнал, редакторами которого намечены были Кравчинский, Лавров и Плеханов“¹⁾. Впрочем, это назначение и привело к окончательному выяснению положения и к разрыву между этими двумя организациями.

Согласился он на предложение Исп. Комитета лишь как дисциплинированный член организации. „Я думаю, что партия имеет право указывать своему члену тот образ деятельности, который он находит наиболее для него подходящим. Человек, имеющий понятие о дисциплине, не может поступить по своему личному усмотрению в том случае, когда усмотрение это идет в разрез с мнением его товарищей. Это—большая посылка. Я человек, причисляющий себя к социально-революционной партии, желающий подчиняться всем требованиям дисциплины, — посылка меньшая. Вывод отсюда ясен. Я отдаю вопрос о соредакторстве в „Вестн. Народной Воли“ на решение своих товарищей“²⁾. Но он имел многое возразить против, и возражения эти имеют столь большое значение для оценки позиции Плеханова в деле сближения с народо-вольцами, что я позволю себе процитировать все относящиеся к этому вопросу место из его письма к Лаврову: „Прежде всего, вещь, которую я говорил Вам конфиденциально, несогласия наши с народо-вольцами вовсе уже не так незначительны, как это может показаться из письма к ним³⁾. Письмо это написано по разным соображениям, более или менее дипломатического свойства. Вы знаете мой образ мыслей; могу Вас уверить, что он не переменялся с того времени, как я оставил Париж. Если мы не оттянем, не указываем на свои разногласия в письме, то это объясняется тем, что мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть „народо-вольчество“ на надлежащую дорожку (повторяю, я говорю это только Вам). Но всякая надежда неразрывно связана с большим или меньшим количеством неудачи. В случае неудачи с нашей стороны, нам придется снова стать в оппозицию: удобно ли это будет для меня, как редактора „Вестн. Народной Воли“? Затем, между мной и Серг. Мих.⁴⁾ существует, как мне кажется, немаловажная разница в воззрениях: он что-то вроде прудониста, я—не понимаю Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из „Капитала“ Прокрустово ложе для всех

¹⁾ Г. В. Плеханов—Письма к Лаврову, см. Л. Дейч „Г. В. Плеханов“, стр. 107.

²⁾ То же, стр. 92.

³⁾ Об этом письме подробности см. у Л. Г. Дейч „О сближении и разрыве с народо-вольцами“—Прогр. Рев. № 20 за 1923 г.

⁴⁾ Кравчинский.

сотрудников „Вестн. Народн. Воли“ (курсив мой В.В.). Говоря вообще, это очень нехорошо с моей стороны, но, воля Ваша, орган только выиграл бы от такой определенности в программе. Я очень жалею теперь, что я согласился участвовать в „Черном Переделе“ как „органе социалистов-федералистов“. Я связан теперь в своей полемике с Драгомановым, с которым рано или поздно нам придется воевать не на жизнь, а на смерть. Боюсь, чтобы „Вестн. Народной Воли“ не связал меня еще больше, если он будет проповедовать федерализм. Я теперь решительный противник федерализма: по-моему, лучше якобинство, чем эта мелко-буржуазная реакция. Вот все, что я хотел сказать, решайте теперь Вы“¹⁾. Цитата получилась пространная, но в ней чрезвычайно много интересного и для нас очень значительного.

Мы выше отметили уже, что он боялся слишком поспешного сближения своих товарищей,—он боялся, что они растеряют то малое от марксизма, что имели, и окончательно подпадут под влияние народо-вольцев (пример Стефановича). Сам же он, сближаясь, ставил себе как раз обратную задачу, он надеялся (как он конфиденциально сообщает своему корреспонденту) „мирным путем повернуть „народовольчество“ на надлежащую дорогу“,—эту надлежащую дорогу хорошо знал Лавров, у которого Плеханов был всего несколько месяцев до того; он подгадал повлиять на идеологию народо-вольцев и повернуть его по марксистскому руслу. Это, разумеется, было утопично, но опять-таки чрезвычайно важная утонция, отличающаяся большими достоинствами, чем иная „реалистическая политика“.

Приблизительно так же и рисует картину этого временного сближения между народниками и народо-вольцами и П. Б. Аксельрод: „Мы за границей—за исключением опять-таки Плеханова—слишком оптимистично относились к психологической способности и готовности народо-вольцев пойти нам навстречу и в то же время чересчур пессимистически оценивали значение деятельности наших единомышленников в России среди интеллигенции и передовых рабочих. Мы считали чернопердельческую фракцию уже обреченной на смерть и своей, пользуясь большевистской терминологией, „соглашательской политикой“ (по отношению к народо-вольцам) сами нанесли ей смертельный удар. Один из противников растворения чернопердельцев в партии „Народной Воли“ с горечью писал мне поэтому со смертного одра, что мы „предали“ свое собственное детище. И объективно этот упрек, посланный нам умирающим товарищем, не был лишен основания. Очень может быть, что при нашей настойчивой моральной и идейной поддержке чернопердельцы в России, параллельно с нами, эволюционировали бы в направлении к социал-демократии и таким

1) То же, стр. 93.

образом облегчили бы и значительно сократили бы „муки родов“ нового революционного движения на русской почве“¹⁾.

Вслед за назначением редакции дело встало на долгое время. Вероятно, был и ряд организационных причин, которые на значительное время отложили работы по изданию журнала (недостаток денег, организация типографии и т. д.). Но очень большую роль в этом деле сыграло то, что со стороны Плеханова были значительные колебания. „Этому изданию еще не скоро пришлось выйти из состояния проекта: дело затягивалось по многим причинам и пошло несколько быстрее только после приезда за границу в 1882 году г. Тихомирова, бывшего членом Исполнительного Комитета и редакции „Народной Воли“. Да и г. Тихомирову, заменившему С. М. Кравчинского в редакции предполагавшегося издания, удалось кое-как справиться с препятствиями только к лету 1883 г., когда мы общими силами взялись за составление первой книжки нашего журнала, получившего название „Вестника Народной Воли“²⁾. Это название коробило Плеханова. „Обращаюсь уже к Вам одному по поводу названия журнала. С Вас. Игн.³⁾ я уже говорил, и взгляды его на этот счет мне известны. Нельзя ли придумать что-нибудь другое вместо „Вестника Народн. Воли“. Это название слишком уже отдает чем-то официальным, точно „Правительственный Вестник“, „Русский Инвалид“ и тому подобное. В большей части социалистических изданий название служит отчасти указанием из воззрений, как бы девизом, напр., „Egalité“, „Emancipation“, „Volksstaat“ и т. д. Зачем же нам брать название, ровно ничего принципиального не выражающее. „Лишний повод к насмешкам со стороны врагов“,—по прекрасному выражению Аксельрода. Все, с кем только я ни говорил по этому поводу, держатся того же мнения без всяких подсказываний с моей стороны. Я очень прошу Вас обратить внимание на это обстоятельство,—право, название вещь очень важная, влияющая даже на литературную энергию сотрудников“⁴⁾. Но Тихомирова и других членов народо-вольческого центра убедить в обратном было трудно. Им это название более нравилось, ибо оно подчеркивало официальное отношение органа к Исп. Ком. „Н. В.“. Однако одним заглавием дело не ограничивалось. Было совершенно ясно, что социал-демократу Плеханову работать в официальном органе народо-вольцев было делом чрезвычайно стеснительным; когда Плеханов сообщил Тихомирову об этом своем затруднении, последний успел его чрезвычайно оригинально: обещал ни более, ни менее, как сделаться самому социал-демократом.

1) П. Б. Аксельрод, Пережитое и передуманное, стр. 387.

2) „Искра“ № 54.—„Почему и как мы разошлись с редакц. „Вестн. Народн. Воли“.

3) Тихомиров.

4) Г. В. Плеханов—Письма к Лаврову, см. Л. Дейч—„Г. В. Плеханов“ стр. 96.

Когда опубликуют переписку Тихомирова с другими членами Исп. Ком. „Н. В.“ (если она сохранилась) и с Лавровым (которая несомненно сохранилась), мы будем иметь, вероятно, больше материала для суждения, ибо тот устный договор, который заключили Плеханов и Тихомиров, носит в себе много странного. Пусть читатель посудит сам: „Мы с Тихомировым решили, что наш будущий журнал со временем объявит себя социал-демократическим, но сделает это лишь после того, как ему удастся рассеять анархические предрассудки нашей читающей публики“¹⁾. Чем руководствовался Тихомиров, дав такое обещание? „Я до сих пор не понимаю, чем именно руководствовался г. Тихомиров, делая мне эту огромную и совершенно неожиданный уступку: вероятно, тут на него повлияли одновременно и его дипломатия, и его равнодушие к теории, и его разочарование в народо-вольческой программе, и его желание привлечь нас к своей партии“²⁾. Но, как бы там ни было, договор был заключен. Плеханов засел за статью об А. П. Щапове. Мы ниже разберем эту статью, в ней очень ясно высказаны социал-демократические положения, но „Мне хотелось высказаться еще яснее, и я написал для первой же книжки „Вестника Народной Воли“ статью „Социализм и политическая борьба“, в которой пошел еще дальше и критиковал самое „партию Народной Воли“. Моя критика отличалась значительной резкостью“³⁾. При чтении статьи Тихомиров морщился и предлагал смягчить, как свидетельствует сам Плеханов⁴⁾.

Пока шла подготовка номера „Вестн. Нар. Воли“, разыгрался инцидент, который сразу определил отношение к народо-вольцам бывших чернопредельцев. После разгрома народо-вольцев в России, они собрались в Швейцарии и вели с чернопредельцами совместную работу. Товарищи Плеханова пришли к окончательному заключению вступить всей группой в Н. В. и вокруг этого вели переговоры с Исполнительным Комитетом Народной Воли в лице Ошаниной и Тихомирова. Они выразили согласие принять группу целиком в организацию. Однако в последний день они радикально изменили тактику. На собрании с группой „Черн. Пер.“ они, ссылаясь на „моло-

1) „Искра“ № 54—„Почему и как мы разошлись с редакц. „Вестн. Нар. Воли“.

2) „Искра“ № 54—„Почему и как мы разошлись с редакц. „Вестн. Нар. Воли“.

3) „Искра“ № 54—„Почему и как мы разошлись с редакц. „Вестн. Нар. Воли“.

4) Тут имеется, вероятно, ошибка. Судя по переписке его с Лавровым, он написал сперва статью, затем заметку. Вот что пишет он в открытке от 1/VIII 1883 г.: „Многоуважаемый Петр Лаврович. Статья моя уже окончена и отправлена мною сегодня в Мюнхен Вас. Игн. Завтра я сам иду к нему, и, подготовивши, мы отправим ее тотчас же Вам в Париж. Кстати замечу мимоходом, что в типографии нет остановки из-за моей статьи.— у наборщиков есть пока другие рукописи. Теперь я пишу маленькую заметку о книге Аристова о Щапове“.

дых товарищей из России“, которые мол „очень недовольны его сближением с нами, так как опасаются, что благодаря ему в движении возьмет верх нежелательное для них влияние бывших „чернопредельцев“¹⁾, Тихомиров отрекся от своего данного обещания. „Вместе с тем он сказал нам, что по уставу партии мы можем быть приняты только по одиночке и по выбору, а не целой группой. Прежде он находил возможным принять нас именно как группу. Когда мы напомнили ему об этом, на него напала сильная зевота, и никакого толка мы от него не добились“²⁾. После этого инцидента Плеханову ничего не оставалось иного, как заявить о своем выходе из редакции. „Прежде всего имейте в виду, что не мне и не моим товарищам принадлежит активная роль в том неприятном для нас усложнении, которое препятствует нам назвать себя товарищами народо-вольцев,—пишет он П. Лаврову.—С самого начала наших переговоров мы не представляли себе, что сближение может произойти иначе, как в виде слияния двух групп, сближенных временем и ходом события. В этом духе мы вели переговоры с Мариной Никаноровной в Кларане, в этом духе говорил я с В. И.“³⁾. Теперь оказывается, что нас не поняли. Это, разумеется, очень печально, но не от нас зависит придать нашим переговорам более отчаянный оборот. Разбиться на атомы, чтобы быть ассимилированными организацией Н. В., мы не считали и не считаем возможным“⁴⁾. Несомненно, Тихомиров желал разбить организацию Ч. П. „на атомы“, когда он выставил требование индивидуального вхождения членов группы Ч. П. в Нар. Волю. Желавшие оказать решающее идейное давление на Н. В., естественно, были правы, категорически не принявши эти условия.

Но тогда каково становилось положение марксиста-редактора народо-вольческого журнала? Плеханову нужно было, и он ушел из редакции. Об этом же рассказывает П. Б. Аксельрод: „В письме от 15 июня 1883 г. Дейч сообщил мне, что Тихомиров и Ошанина не соглашались на наше вступление в организацию народо-вольцев „группой“. А между тем мы все время вели с ними переговоры, как коллектив, и о нашем присоединении к ним по-прежнему, отдельными индивидуумами, и речи не было. Именно в нашем объединении с „Народной Волей“ в качестве группы мы видели серьезный шанс на то, чтобы „мирным путем повернуть“ ее на ту дорогу, на которую мы уже стали. Но когда Засулич, Дейч и Плеханов предложили Тихомирову оформить наше соглашение с народо-вольцами, т. е. напечатать заявление об основаниях, на которых это соглашение состоялось, то он

1) „Искра“ № 54—„Почему и как мы разошлись с редакц. „Вестн. Нар. Воли“.

2) „Искра“ № 54—„Почему и как мы разошлись с редакц. „Вестн. Нар. Воли“.

3) Тихомировым.

4) Г. В. Плеханов—Письма к Лаврову, см. Л. Дейч—„Г. В. Плеханов“, стр. 99.

ответил, что по конституции организации народovolьцев присоединение к ней целой группы не допускается и что присоединиться к партии мы можем, только распавшись как группа, по одиночке¹⁾. П. Б. Аксельрод приводит отрывки из письма Л. Дейча к нему той эпохи, которые дают ясное представление о настроении Плеханова (Жоржа). „Тогда,—писал мне Дейч,—мы категорически заявили им, что в таком случае никто из нас не присоединится к ним, что из-за существующего у них устава мы не станем распадаться“. „Нужно тебе заметить,—писал он дальше,—что, несмотря на внешнюю, кажущуюся солидарность (с народovolьцами), как они, так и мы знаем, что по существу сильно отличаемся друг от друга, и мы с Жоржем думаем, что никогда народovolьцы не сделаются сознательными социалистами, марксистами, а останутся бланкистами, энергичными и предприимчивыми революционерами-заговорщиками“²⁾. Оценка чрезвычайно энергичная оказалась по существу совершенно правильной. „Поведение их,—писал Дейч Аксельроду,—возмущает своей неискренностью, нетовариществом по отношению к нам, которые в последние два года всеми силами стремились содействовать, поступали, как народovolьцы, не будучи ими по праву. Между тем и в одном вопросе, ни даже в мелочах мы не видим с их стороны никакой уступчивости... Ввиду неопределенности, сбивчивости теоретических воззрений народovolьцев, их шаткости в социализме и их бланкизма, мы могли бы присоединиться к ним только всей группой, когда имели бы шансы своей солидарностью влиять на них, если бы они оставили свои извечные приемы в отношении с близкими“³⁾. Конечно, „извечные приемы“—сказано сильно, но что дело разстроилось не без участия „незримой руки“, это стало совершенно ясно несколько позже, хотя бы из инцидента с письмом Стефановича Дейчу, перехваченного Тихомировым и Ошаниной. Письмо прошло через руки провокатора Дегаева и попало не адресату, а в руки заграничных представительниц Исп. Комитета, которые и вскрыли его. Однако не следует преувеличивать роль Дегаева. Его роль, вероятно, сводилась к тому, что он способствовал победе уже существующих в организации тенденций, а тенденции эти существовали и были направлены прогив марксизма и „марксистов“.

Не увенчалась успехом и попытка сотрудничества в „Вестн. Народн. Воли“. Тихомиров не захотел пустить „Социализм и политич. борьба“ без примечания, а Плеханов не мог оставить его примечание без ответа: „Долинский⁴⁾ уже писал Вам относительно того примечания к

¹⁾ П. Б. Аксельрод,—Пережитое и передуманное, стр. 431—432.

²⁾ Аксельрод,—Пережитое и передуманное, стр. 432.

³⁾ Аксельрод,—Пережитое и передуманное, стр. 433—434.

⁴⁾ Тихомиров.

моей статье, которое я не считаю возможным оставить без возражения“¹⁾,—пишет он Лаврову. Новая редакция „В. Н. В.“ не согласилась на возражения, и Плеханов взял свою статью обратно.

Так произошел окончательный разрыв с народovolьцами.

4.

Народovolьцы прекрасно знали, какую силу они потеряли в лице Плеханова. Если это мог отрицать Шишко, то только потому, что ему не были, очевидно, известны письма Тихомирова к Лаврову, а еще того вероятнее по фракционной близорукости.

Тихомиров пишет П. Лаврову: „Итак, уважаемый Петр Лаврович, это дело конченное. Хорошо или дурно, но мы остаемся вдвоем, и теперь нужно скинуть с журнальных счетов одного очень ценного работника (как здесь, так и ниже курсив мой В. В.). Мое мнение, что Евгений (Л. Дейч—В. В.) будет стараться вооружить его, как и всех своих, против нас, так что в будущем я предвижу только ухудшение отношений, хотя в данный момент мы с Плехановым не поссорились, а только честно и благородно разошлись“²⁾. Действительно, нигде нет ни прямых, ни косвенных указаний на то, чтобы Плеханов поссорился с Тихомировым. Однако, что отношения их резко ухудшились, почти совершенно превалились после инцидента с письмом Стефановича—это несомненно, и непонятно, как мог Тихомиров обещать Лаврову сохранить „нам хоть крохи его сотрудничества“. Он пишет: „Из моего письма вы теперь знаете, как стоит дело с Жоржем... (Г. В. Плеханов. В. В.). Будет ли он сотрудничать,—я не знаю. Он обещал, но из этого еще ничего не следует, потому что, повторяю, мое мнение (верьте или нет—но я пришел к нему годовым наблюдением)—что тут суть в Евгении, а не в нем“... „Распространяться о том, как я старался привлечь Жоржа и как ценю его (если он без евгеньевской лигатуры)—считаю излишним: вы бы это должны были видеть очень хорошо. Точно так же вы можете быть уверены, что, насколько зависит от меня,—я постараюсь сохранить нам даже крохи его сотрудничества“³⁾... Читателю совершенно ясно, что Тихомиров все это пишет для наивного во фракционных склоках П. Лаврова, что все это он делает—ибо знает, как высоко ценит талант Плеханова Лавров, но и Тихомиров чувствует в нем силу. И не мудрено было. Кто иной, а Тихомиров не мог относиться без уважения к литературным способностям Жоржа, с которым он уже один раз работал в редакции „Земли и Воли“. Передовицы Плеханова много ослабляли влияние статей Тихомирова, и это он помнил.

¹⁾ Г. В. Плеханов.—Письма к Лаврову, см. Л. Дейч.—„Г. В. Плеханов“, стр. 101.

²⁾ Дейч „О сближ. и разрыве с народovolьцами“,—„Пролет. Революц.“ № 20, стр. 42.

³⁾ Там же, стр. 42.

Но уже два дня спустя он пишет в совершенно в ином тоне: „Мы положительно компрометируем себя такой чрезмерной (!) уступчивостью, и я, право, не предвижу, где ей будет конец“. По мнению Тихомирова сотрудничество членов новой группы сомнительно: „По моему—настоящее дело. От такого сотрудничества журнал только страдает, а не улучшается. Вести его становится труднее, а не легче. Что касается до того, что без них вести не возможно, то я этого не понимаю. Трудно, мало людей—это правда. Но ведь они—при таком построении не плюс, а минус: разве имена... Но имена уже вовсе же не такие, чтобы окупить все остальные неудобства“¹⁾. Последняя фраза подчеркнута мною. Она показывает, во-первых, что Лавров очень дорожил именем Плеханова, во-вторых, что Тихомиров окончательно убедился в невозможности склонить Плеханова к сотрудничеству. Он в этом убедился особенно после того, как узнал от Плеханова письменно, а от Дейча устно, что они готовятся организовать группу. Как превосходный фракционный дипломат, Тихомиров знал очень хорошо, что тем самым все возможности склонить их к уступкам исчерпаны. Само собой разумеется, совету отказываться от них, Тихомиров надеялся на их провал. Но ближайшее же будущее показало, как жестоко ошибся в своих расчетах Тихомиров.

Разрыв произошел в конце августа, а уже в двадцатых числах сентября (25-го) появилось объявление об издании „Библ. соврем. соц.“ где имеется извещение об организации группы „Освобождение Труда“. „Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организацией русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы „Черный Передел“ образуют нынче новую группу—„Освобождение Труда“ и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями“²⁾.

Интересен вопрос о том, почему группа присвоила себе столь туманное название. Об этом П. Б. Аксельрод рассказывает: „Нас, бывших чернопределцев, собралось в Женеве в конце 1883 г. четыре человека: Дейч, Засулич, Плеханов и я. Порвав окончательно с Тихомировым и Ошаниной, мы собрались, чтобы обсудить и решить вопрос об организации самостоятельной группы для литературной и устной пропаганды научного социализма и социал-демократических учений, с целью проложить путь для эволюции революционного движения в России в социал-демократическом направлении... Теперь едва ли кто может представить себе, как глубоко сидели и как всеобщими были тогда предрассудки против социал-демократии в русской революционной среде. Однако Плеханов все-таки предлагал нам назвать новую (по направлению) группу социал-демократической. Но

¹⁾ Там же, стр. 44.

²⁾ Плеханов, Сочин., том II, стр. 22.

Дейч и Засулич были против его предложения, ссылаясь на эти предрассудки и на то, что, заявив себя открыто социал-демократами, мы с первого же шага на новом пути вооружим против себя общественное мнение всех революционных элементов“... „В конце концов мы согласились принять, предложенное опять-таки Плехановым, название „Группы Освобождение Труда“¹⁾. Это свидетельство чрезвычайно интересно. Оно показывает, до какой степени серо было еще большинство членов гр. Осв. Труда и одновременно показывает, что я прав, утверждая, что между Плехановым, пришедшим к марксизму и социал-демократии в 1881 г., и его товарищами—лежало, по крайней мере, 3 года времени.

Спустя несколько дней он пишет Лаврову, извещая его о выходе объявления: „Напишите мне Ваше мнение об объявлении и о факте нашего выступления. Вспомните при этом, что нам ничего другого не оставалось делать“²⁾. Действительно ничего иного не оставалось делать.

Чтобы закончить эту главу и перейти к нашей основной теме, напомним еще два позднейших отголоска этой полосы „сближения с Народн. Волей“.

В примечании к „объявлению“ он пишет:

„Ввиду неоднократно повторяющихся слухов о состоявшемся будто бы соединении старой группы „Черн. Пер.“ и „Нар. Воли“, мы считаем нужным сказать здесь несколько слов по этому поводу. В последние два года действительно велись между обеими группами переговоры о соединении. Но, хотя два-три члена нашей группы даже вполне примкнули к „Нар. Воле“, полное слияние не могло, к сожалению, состояться. Как читатель может увидеть из брошюры „Социализм и политическая борьба“, это слияние затрудняется нашим разногласием с „Нар. Вол.“ по вопросу о так называемом „захвате власти“, а также некоторых практических приемах тактики революционной деятельности, вытекающей из этого пункта программы. Обе группы, однако, имеют теперь так много общего, что могут действовать в огромном большинстве случаев рядом, пополняя и поддерживая друг друга“³⁾.

Мы ниже увидим, что дипломатические соображения заставляли его так нарочито преуменьшать существующие разногласия, как и соображения тактические или даже деликатности (Лавров так любил единство революционных сил!) По последним же соображениям в письме от весны 1884 г. он пишет Лаврову, выражая благодарность за помощь своим арестованным товарищам: „Я вижу

¹⁾ П. Б. Аксельрод, Пережитое и передуманное, стр. 437—438, 439.

²⁾ Г. В. Плеханов—Письма к Лаврову, см. Л. Дейч—„Г. В. Плеханов“, стр. 102.

³⁾ Плеханов, Сочин., том II, стр. 22.

в этом факте залог будущего объединения нашей революционной партии,—объединения, которого я желал и до сих пор не перестал желать всей душой. Буду надеяться, что скоро нам нечего будет забывать в случае каких-нибудь несчастий, что все наши недоразумения и несогласия исчезнут перед непобедимой логикой жизни". Я говорю, это сказано из чувства деликатности, ибо такое единство, которого желал Плеханов, явно было утопично. Для марксиста Плеханова "непобедимая логика жизни" утверждала марксизм, а единство и согласие в марксизме для его противников было исключено заранее. Да и к тому же всякий разговор об объединении в 1884 г. после "Соц. и пол. борьбы", после яростных публичных выступлений против утопизма народничества и самобытного российского социализма был—разговором всуе. В это время разговор шел фактически о том, кто сложит оружие, ибо борьба уже была начата.

Возникает вопрос, который представляет большой интерес, почему предметом своих нападений Плеханов избрал именно народничество? Вопрос, повторяю, весьма интересный, но не трудно решить это была одна единственная активная революционная сила, господствовавшая тогда над сознанием передовой молодежи, теория, без преодоления которой вряд ли мыслима была бы плодотворная работа.

Лично пройдя школу народничества, он знал хорошо, какая она помеха на пути перехода передовых людей с точки зрения утопии на точку зрения научного социализма.

Тот новый класс, который оформлялся и готовился занять положение доминирующей силы в стране, не смог иначе действовать, как предварительно заставить признать себя.

Этого рабочий класс добивался двумя путями: стихийными своими волнениями, спорадическими попытками организоваться в особую классовую политическую единицу на практике и борьбой с народническим утопизмом—в теории.

Борьба Плеханова с народничеством была не чем иным, как отражением в теории практического стремления рабочего класса завоевать себе подобающее место в ряде классов и сословий молодой капиталистической России.

Отсюда и то, на первый взгляд странное, явление, что самым острым вопросом в этой борьбе был вопрос о праве пролетариата организоваться в классовую партию. И не только у нас в России—в международном рабочем движении проблема необходимости и неизбежности организации партии пролетариата выдвигалась не раз и каждый раз именно в моменты, подобные нашим 80 годам в эпохи появления рабочего класса на историческую арену как решающей силы. Стоит только упомянуть немецкое рабочее движение, для которого этот вопрос играл не менее важную роль, чем у нас; нетрудно на „Коммун. Манифесте“ видеть следы этой борьбы.

Россия отличается от других стран лишь тем, что в ней этот вопрос встал значительно ранее, чем у других народов. За четверть века до буржуазной революции в России и гораздо ранее, чем буржуазия пришла к сознанию организации своей собственной партии, пролетариат народил свои революционные классовые организации (Северно-Русск. Рабочий Союз—Халтурина) и ринулся в теоретический бой в защиту своего права на революцию и гегемонию в ней.

Сознательным выразителем этого в огромной степени бессознательного процесса явился Плеханов.

В первых своих марксистских работах Плеханов старательнейшим образом избегает столкновения с народниками и народовольцами. Совершенно несомненно, он вел агитацию среди своих близких товарищей, но нам неизвестны выступления его ни в печати, ни публично вплоть до 1883 года. Ни один из мемуаристов не упоминает о его публичных выступлениях как марксиста, хотя прекрасный оратором он был уже тогда и пользовался среди эмиграции большим уважением, стоит только вспомнить отзывы о нем Зайцева, публициста „Русского Слова“. Да и, кроме того, особенной робостью Плеханов никогда не отличался. Не выступал он с нападением на своих теоретических врагов по двум вполне основательным причинам: во-первых, у него была, очевидно, острая потребность подвергнуть доскональному критическому пересмотру свои воззрения, потребность в марксистском самоутверждении, если можно так выразиться, потому-то он искал такие академические темы для своих первых статей, как диспут с катедер-социалистами, экономическое учение Родбертуса, а, во-вторых, сознание, что Народн. Воля худо ли-хорошо ли, а единственная организация, ведущая борьбу с самодержавием (см. вышеприведенную цитату из его статьи „Почему мы разошлись“).

В 1883 же году совершенно явственно наметился упадок народничества, признаки его бессилия; в таком случае каждый лишний год господства такой теории над умами передовых людей страны есть величайшее задерживающее рост развития революции явление, долг всякого революционера вести в ней жестокую борьбу.

„Мы уверены, что пришла уже пора критической оценки всех элементов нашего народничества“¹⁾,—пишет он в своей заметке о книге Аристова. Плеханов и начал критическую оценку всех элементов народничества в своей брошюре „Социализм и политическая борьба“.

5.

Выводы, к которым мы пришли выше, бесспорны, они являются непосредственными выводами из фактов, и, кажется, трудно бы спорить

¹⁾ Плеханов, Сочин., том II, стр. 20.

против них, но несогласных много и среди них П. Б. Аксельрод, к мнению которого нельзя не прислушиваться.

Однако очень нетрудно доказать, что П. Б. Аксельрод неправ, стоит только внимательно разобрать приводимые им факты и материалы.

На самом деле, П. Б. Аксельрод пишет: „Эволюцию Плеханова от народничества к марксизму и к социал-демократии легко проследить по его литературным произведениям в промежуток времени с 1880—1881 г.г. до 1883-го года. Как совершался этот процесс специально у Дейча и Засулич, я могу только догадываться, но в точности, конкретно, не знаю, потому что видались мы тогда довольно редко, в короткие моменты, большей частью для какого-нибудь практического дела, а из Цюриха посредством переписки я не мог—или, по крайней мере, мне трудно было—следить за их идейной эволюцией. Но мне кажется, что по существу мы все до начала или почти до середины 1882 года (курсив мой В. В.) не совсем ясно сознавали, что мы становимся социал-демократами. Подвигаясь вперед в эту сторону, мы вместе с тем еще не изжили наше идейное прошлое и связаны были с ним некоторыми нитями. У меня это противоречие отразилось, между прочим, в том, что на русское революционное движение я продолжал некоторое время смотреть почти глазами революционного утописта русской разновидности, в то время как ход рабочего движения на Западе я с самого начала освещал в „Вольном Слове“ под углом зрения социал-демократии“¹⁾. Мы все—тут употреблено совершенно напрасно; в том-то и дело, что в числе всех не было Плеханова.

О том, что он становится социал-демократом, Плеханов знал уже в 1881 году и знал отчетливо. Об этом свидетельствует он сам („Почему мы разошлись“), это засвидетельствовано статьей, об этом говорит его дружба с Гэдом (см. Р. Плеханова, „Первое наше знакомство с Ж. Гэдом“, — „Заря“ № 6—7 за 1923 г.).

Момент перехода Плеханова на точку зрения марксизма, т. е. критический период в его развитии,—это 1881 г., начало. И напрасны попытки П. Б. Аксельрода изобразить дело так, будто все члены группы предали единовременную эволюцию.

По существу время же с 1881 года до 1883 года для Плеханова является годами борьбы за других своих товарищей; в 1882 году он пишет Лаврову: „Вы знаете мой образ мыслей, могу Вас уверить, что он не переменялся с того времени, как я оставил Париж“²⁾ (курсив мой В. В.). Это в том самом письме.

¹⁾ П. Б. Аксельрод, Пережитое и передуманное, стр. 403.

²⁾ Г. В. Плеханов—Письма к Лаврову, см. Л. Дейч—Г. В. Плеханов, стр. 93.

где он готов „создать из „Капитала“ Прокрустово ложе для всех сотрудников „Вестника Народной Воли“!

А Париж он оставил в 1881 году. О том, что он марксист, Лавров знал хорошо, он даже обращается к нему с просьбой припомнить, где Маркс употребляет выражение „исторические категории“. Правда, Плеханов ему отвечает незнанием: „К величайшему моему сожалению и досаде, я не могу припомнить, где употребляет Маркс выражение „исторические категории“. Я пересматривал сегодня у Гумпловича главу о Марксе, но и он передает это выражение последнего, не цитируя страницы. Мне кажется, что в первый раз употреблено это выражение в „Misère de la philosophie“, хотя где именно и не могу сказать“¹⁾; но тут важен не ответ, а то, что Лавров считал его знающим Маркса; и слова Плеханова „вы знаете мой образ мыслей“ не просто оборот речи, а означает, что, еще будучи у Лаврова, он выказал себя достаточно последовательным „марксистом“.

Следовательно, вряд ли справедливы слова Аксельрода по отношению к Плеханову, слова, которые в то же время, несомненно, передают подлинное настроение других чернопеределцев.

П. Б. Аксельрод приводит и другие аргументы и доказательства: „В конце октября 1881 г., т. е. недели три спустя после хурской конференции, Плеханов по возвращении из Парижа в Швейцарию писал Лаврову: „Настроение моих женевских товарищей не особенно радует меня. Оно может быть сформулировано словами—„соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгнемся, сколько возможно“. История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней“. Плеханов стало быть в таком существенном вопросе, как вопрос об отношении русских социалистов к борьбе с абсолютизмом, оставался еще если не совсем, то в значительной мере на почве старого народничества (курсив мой В. В.). А между тем теоретически он, конечно, уже в то время ближе всех нас стоял к марксизму“²⁾. Это прямое недоразумение. Вся цитата гласит: „Как вам понравилось известие об успехах организации и пропаганды в среде городских рабочих, главным образом, в Питере? (курсив мой В. В.). Настроение моих женевских товарищей не особенно радует меня. Оно может быть сформулировано...“ и т. д.

Центр тяжести всей цитаты в чрезвычайно знаменательной первой фразе, а она говорит целиком против П. Б. Аксельрода. На самом деле внимание Плеханова приковывает к себе уже совер-

¹⁾ Дейч, Плеханов, стр. 87.

²⁾ П. Б. Аксельрод, Пережитое и передуманное, стр. 403.

шенно нового порядка явление и с совершенно новой стороны — организация и пропаганда в среде городских рабочих". Помидуйте, где же тут „старое народничество“? Им и не пахнет! Павел Борисович делает ошибку, обусловленную тем, что он жил уже тогда вдали от Плеханова (в Цюрихе) и вряд ли был регулярно в курсе того, что делалось в Женеве, и уж наверняка был лишен возможности проследить успехи Плеханова в марксизме, а в этом тихом мещанском городе Плеханов пережил чрезвычайно бурный теоретический кризис и настойчиво работал над революционизированием сознания своих товарищей по Черному Переделу.

„Я припоминаю, что уже летом 1880 г., когда я приезжал в Женеву для переговоров об организационных и программных реформах в чернопередельской фракции, я впервые увидел у него на столе раскрытую книгу Энгельса „Herrn E. Durings Umwälzung der Wissenschaft“. Само собой разумеется, что для такого человека, как Плеханов, чтение этой книги не могло остаться бесследным¹⁾. Именно „само собой разумеется“! Но тогда вызывает недоумение та настойчивость, с которой П. Б. Аксельрод продолжает утверждать, что даже после появления статьи „Новое направление полит. экономии“ (I, 1881 г.) Плеханов не был марксистом: „И все-таки в нелегальных статьях Плеханова на этот период заметны были еще следы народнических тенденций“²⁾... „Насколько я помню, только в предисловии к русскому переводу „Коммунистического Манифеста“, появившемуся летом 1882 г., Плеханов выступил в печати как вполне последовательный марксист — не только в теории, но и на практике“³⁾.

После „Нового направления в полит. экономии“ Плеханов нелегальных статей не писал вплоть до предисловия к своему переводу „Коммунист. Манифеста“, где, даже по мнению П. Б. Аксельрода, Плеханов выступил как „вполне последовательный марксист“. Значит и это не аргумент.

Мы остановились на воспоминаниях П. Б. Аксельрода, ибо в них особенно ясно выявлено то не точное, вернее сказать, путанное представление, которое существует относительно этой ранней эпохи зарождения марксизма.

Правильная же картина выглядит совершенно иначе.

Из всего Черн. Передела ранее всего пришел к марксизму Г. В. Плеханов. Начало 1881 года, время формулировки программного письма в ред. „Чер. Пер.“ и работы над статьей „Нов. напр.“, есть та самая грань, где и начинается сознательно марксистское развитие Плеханова.

¹⁾ П. Б. Аксельрод, Пережитое и передуманное, стр. 422.

²⁾ Тоже стр. 422.

³⁾ Тоже стр. 423.

Иначе шло развитие всех остальных членов группы. Аксельрод, например, еще весной 1882 г. сотрудничал в „Вольном Слове“, репутация которого была далеко не марксистская.

Весной 1882 г. Плеханов писал Лаврову: „Получаете ли вы „Вольное Слово“? Здесь все считают его органом Игнатьева. Меня ужасно печалит сотрудничество там Павла. Правы или неправы обвинители „Вольного Слова“, — это другой вопрос, но раз публика относится к нему подозрительно, то и на Павла падает некоторая тень. Здесь, в Кларане, все осуждают его“¹⁾. Аксельрод знал об этих слухах, однако не придавал им значения, пока Драгоманов не разразился резко-полюемической статьей против Нар. Воли. „Статья эта в чрезвычайной степени возмутила В. И. Засулич, Плеханова и Дейча и сделала для меня крайне затруднительным, чтобы не сказать психологически невозможным, дальнейшее участие в „Вольном Слове“²⁾“, — рассказывает Аксельрод, но даже и после этого Аксельрод колебался и не решался послать заявление о выходе из числа сотрудников. Понадобилось особое давление, чтобы он решился на этот шаг.

Женевская часть Ч. П. не только настояла на уходе Аксельрода из „Вольн. Слова“, но и написала открытое письмо Драгоманову (датированное 20/V—1882 г.)³⁾, чрезвычайно резкое, под которым стоит в числе других и подпись Аксельрода. Один этот инцидент с „В. С.“ был бы совершенно достаточен к тому, чтобы с несомненностью установить, что Аксельроду к этому времени Маркс мало чем помог, и он еще спокойно пребывал утопистом, что он и не отрицает.

И по рассказам Л. Г. Дейча не трудно убедиться в правильности защищаемого мною положения.

На самом деле Л. Г. Дейч пишет: „С описываемой мною весной 1882 г., мы с В. И. Засулич, живя вблизи Плеханова, под его влиянием, особенно усердно стали заниматься изучением научного социализма, при чем обращались к нему за разъяснением непонятных мест, которые он очень охотно делал“⁴⁾.

Правда, уже летом 1882 г. у Л. Г. возникла идея организации группы, независимой от Исп. Ком. и ставящей себе задачу пропаганды марксизма, но несомненно одно, что марксизм, который желал пропагандировать Л. Дейч, не был тем марксизмом, который к этой эпохе проповедывал Плеханов. — Дейч и не представлял себе те грандиозные перспективы создания политической партии рабочего класса,

¹⁾ Г. В. Плеханов, Письма к Лаврову, см. Л. Дейч—„Г. В. Плеханов“, стр. 95.

²⁾ П. Б. Аксельрод, Пережитое и передуманное, стр. 413.

³⁾ В. Ваганян, „Опыт библиографии Плеханова“, стр. 13, где приведено письмо с некоторыми сокращениями из „Кал. Нар. Воли.“.

⁴⁾ Л. Дейч, „О сближен. и разрыве с народолюбцами“. — „Пролет. Рев.“ № 20.

которые к этому времени были совершенно ясны и очевидны для Плеханова.

Л. Г. Дейч еще летом 1883 г. пишет Аксельроду: „назвать себя социал-демократами нам и невозможно... вследствие политических условий России“... „вообще вовсе нежелательно, чтобы потерялся сильный революционный дух русского движения“¹⁾. Сделаться социал-демократом, по мнению Л. Дейча, значит, потерять сильный революционный дух русского движения т.е. народо-вольчества. Это чрезвычайно знаменательно: ведь письмо написано в то самое время, когда Плеханов писал свой гениальный памфлет, а как еще незрел политический разум автора письма! От него еще очень сильно разит неизжитым утопизмом и народническими пред-рассудками!

В. Ваганя.

Очерки философии Д. Дидро.

I.

Проблема познания.

Si l'on voit, la chose comme elle est en nature, on est philosophe¹⁾.

Diderot.

Философия—познание того, что есть. Познавать и мыслить вещи и существа так, как они суть— вот высший закон, высшая задача философии.

Фейербах.

1. Теория познания и Дидро. — 2. Генезис Дидро. — 3. Выход к сенсуализму. Терминология Дидро. — 4. Установление материалистического сенсуализма. Диалектика субъекта и объекта. — 5. Диалектика разума и чувств, мозга и нервов. — 6. Принципы методологии Дидро.

I.

XVIII век не знал теории познания, как самостоятельного и специального раздела философии. Это не значит, конечно, что мыслители века просвещения и предшествующего столетия не останавливались перед гносеологическими и методологическими моментами при построении мировоззрения; ряд философов, Локк, Беркли, Кондильяк, даже занимаются этими моментами по преимуществу, но их трактаты вмещают в себя и сторонние проблемы; мысль не сосредоточивается и не отчеканивает основных гносеологических положений. Рассуждения Беркли приводят его к абсолютной теодицее, и эта последняя заполняет все поле зрения, затмевает исходный пункт. Трактаты Кондильяка, преисполненные сенсуализмом, дают, по существу, своеобразно построенную, детально и систематически разработанную сенсуалистическую психологию. Теоретико-познавательные постулаты в основных работах Гольбаха, принципиально правильные, намечают и декларируют гносеологию материализма, но представляются малоуглубленными, не всегда развитыми и мимоходом обозначенными. Ощущение, *initium et principium*, начало и основание человеческого знания, не представляет для Гольбаха самодовлеющего интереса; сенсуализм, как теория познания, для него лишь одно из звеньев, и довольно незначительных, в бесконечной цепи всей системы при-

¹⁾ А. Б. Аксельрод, Пережитое и передуманное, стр. 438.

¹⁾ Философ видит вещи такими, каковы они в природе.